

О.Н. САВИЦКАЯ, М.П. НАЗАРОВА
(Волгоград)

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА**

Выявляется содержание термина «религиозный ландшафт» в отечественной науке. Предложены новые теоретические и методологические подходы к его исследованию, опирающиеся на волновую теорию строения вещества и институциональный подход. Делается вывод, о том, что изучение этого комплексного геокультурного и исторического феномена только начинается.

Ключевые слова: иеротопия, религиозный ландшафт, культурный ландшафт, классификация религиозного ландшафта, структура религиозного ландшафта.

Религиозный ландшафт как предмет изучения находится на стыке исторической географии, географии религий, ландшафтоведения, экологии, истории, краеведения, культурологии, искусствоведения, религиоведения, теологии, теории и практики охраны природного и культурного наследия и других дисциплин, пока проходит стадию становления как в отечественной, так и в западной науке XXI в. В той или иной степени все эти дисциплины в рамках своих задач уже затрагивали этот культурный феномен. Однако выделение исследований религиозного ландшафта в самостоятельное направление поиска во многом было инициировано ЮНЕСКО в 1999 г., когда в число объектов Всемирного культурного наследия наряду с памятниками, ансамблями и достопримечательными местами вошли культурные ландшафты как совместное творение природы и человека [2; 14]. Теория культурного ландшафта привела к выработке самого термина «религиозный ландшафт» и поставила задачу теоретико-методологических основ его изучения.

Актуальность исследования религиозных ландшафтов в России обусловлена современными неоднозначными процессами религи-

озного возрождения, которые позволяют по-новому взглянуть на формирование религиозной карты нашей страны. Религиозный ландшафт России никогда не был статичным. Он менялся под влиянием процессов колонизаций и миграций, рождения и / или распространения новых религий, ментальных и культурных трансформаций, геополитики и конфессиональной политики государства, которая всегда отличалась открытым давлением на все стороны религиозной жизни граждан, и др. Эти изменения по своей скорости нарастали во времени и пространстве и привели, казалось, к почти полному нивелированию этого ландшафта в годы советской власти.

В 1990-е гг. начали формироваться направления исследования религиозного ландшафта в России. Во-первых, появились первые работы по географии религии. Дагестанский географ У.Н. Набиева [8] использовала термин «конфессиональный ландшафт», который понимался как исторически сложившееся соотношение сфер влияния разных религий. Однако в теоретическом плане ни содержание данного термина, ни его соотношение с понятием ландшафта религиозного выяснено не было.

В то же время в рамках культурологии и культурной географии при характеристике культурного ландшафта в качестве непрерывных его атрибутов стали выделяться различные компоненты религиозного ландшафта. Так, сотрудник Российского научно-исследовательского института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева Р.Ф. Туровский представил конфессиональный ландшафт одним из частных культурных пространств, синтезированных генетически и территориально в границах того или иного культурного ландшафта [13]. Природная составляющая в структуре культурного, а значит, и религиозного ландшафтов, по мнению исследователя, значительной роли не играет, является своеобразным компонентом культуры.

В.Н. Калущков в рамках разработанного им этнокультурного подхода к культурному ландшафту выделял среди составных частей культурного ландшафта мифологию места, духовную культуру, местный фольклор, восприятие

местным сообществом своих традиций, которые в рамках традиционной культуры носили в основном религиозный характер [6].

В 2000-е гг. появились статьи, в которых активно употреблялся термин «религиозный ландшафт», но вновь вне его понятийного толкования. Они были посвящены изучению религиозных ландшафтов как культурных феноменов, связанных с территориями определенных регионов [4; 10], в контексте создания музеев-заповедников в СССР [11], для характеристики современной религиозной ситуации в России и проблем использования тех или иных религиоведческих понятий [1].

В 2008 г. уральский историк Е.М. Главацкая впервые интерпретировала понятие «религиозный ландшафт». По ее мнению, он представляет собой «религиозную ситуацию, складывающуюся на определенной территории в различные исторические периоды, характеризующуюся распространением представлений о существовании высших сил, влияющих на судьбу и жизнь человека, с которыми люди пытаются установить диалог путем совершения определенных ритуальных практик и создания соответствующих институтов» [3, с. 79]. Представленная дефиниция, на наш взгляд, не совсем удачна, на что обратила внимание и симферопольский историк Ю.В. Норманская. Она выразила мнение, что «религиозная ситуация является не тождеством, а атрибутом пространства» [10, с. 232]. Между тем, по нашему мнению, религиозная ситуация не является атрибутом религиозного пространства и не имеет с ним непосредственной связи. Религиозная ситуация характеризуется, прежде всего, одноактностью и неповторимостью своего возникновения на данный момент. Религиозный же ландшафт воссоздает длительную историческую эволюцию места, где присутствуют как развивающиеся, так и реликтовые или ископаемые религиозные ландшафты.

Кроме того, религиозная ситуация не имеет отношения к природно-географической составляющей более широкого понятия «религиозный ландшафт». Поэтому определение религиозного ландшафта через религиозную ситуацию приводит к утрате главной характеристики религиозного ландшафта как примера единения природных и интеллектуально-духовных сил человека. Как отмечает географ О.А. Ливинская, сегодня при проведении исследований конкретных культурных ландшафтов «природные взаимосвязи учитываются

достаточно слабо, и преимущественно на уровне низших таксономических единиц, когда определяется так называемый природно-культурный каркас территории» [7, с. 125].

Религиозная ситуация, несомненно, развивается в определенном пространстве, но она не всегда оставляет свои следы в этом пространстве. Их взаимосвязь не прямая, а более сложная. Например, одним из самых характерных проявлений религиозного ландшафта является наличие культовых зданий или сакральных мест, имеющих значения для населения. Однако отсутствие таковых не означает, что здесь нет носителей той или иной религиозной традиции, которая может находиться под государственным запретом. Воссоздание этих мест, например, в современной России не свидетельствует о восстановлении религиозного ландшафта таковым, каким он был до начала богоборческой политики советской власти. Для традиционных конфессий множество открытых храмов, с нашей точки зрения, скорее «декларация о намерениях», чем полное возрождение.

Немало тех, кто называет сегодня себя верующими, латентны в своих проявлениях религиозности, для них вера – область интимно-личностная, а не публичная. Их присутствие в религиозном ландшафте можно отнести скорее к области статистики, чем к реально-преображающим этот ландшафт факторам.

В современной отечественной историографии в отношении религиозного ландшафта не выработано и четких представлений о его строении. Пожалуй, единственный пример структурирования дан в работе географа С.Г. Сафонова, который выделил пять слоев религиозного ландшафта [12, с. 23–27]:

- 1) религиозное наследие, которое не относится к современной культовой практике и существует в виде археологических или музейных объектов, а также как историческая память этноса;
- 2) религиозный базис, состоящий из верующих и различных форм их объединений;
- 3) религиозная надстройка (органы управления конфессий);
- 4) различные виды деятельности религиозных организаций и верующих, инициатором которых могут выступать и структуры базиса, и надстройки;
- 5) религиозная символика мест, имеющих сакральный характер, и символизм религиозного сознания.

Вначале представим наши комментарии по отдельным компонентам структуры. Рели-

гиозное наследие не может быть «мертвым», оно должно иметь непреходящее значение для современного сообщества.

При выделении религиозной надстройки стоило бы уточнить, что и сегодня встречаются религиозные культы, не получившие конфессионального оформления, и в них понятие «религиозная надстройка» или отсутствует, или размыта, как в некоторых национальных или региональных формах шаманизма.

Религиозная символика описана расплывчато. Стоит ли относить к религиозному ландшафту религиозные культы и архитектурные объекты? Автор выделил только «элементы исчезнувших практик» или «направления церковных архитектуры и искусства».

Исследуемый ландшафт по схеме представляется одноконфессиональным. Отсутствуют элементы для компаративного анализа поликонфессионального ландшафта и его природно-географической составляющей.

Спорной представляется и вся структура религиозного ландшафта, которая предложена С.Г. Сафроновым, т.к. нарушается известное логическое правило, что должно быть общее основание (основания) при вычленении структурных единиц из общего целого. Увидеть такие общие основания мы не смогли.

В качестве рабочего мы предлагаем следующее определение. *Религиозный ландшафт – это единый культурно-территориальный комплекс, сформировавшийся под воздействием освоения человеком естественной среды обитания на базе религиозного мировоззрения, что привело к возникновению особых сфер жизнедеятельности общества, которые выступают как синтез духовной жизни человека и программы его поведения и действий по преобразованию окружающего мира в соответствии с божественным замыслом.* Религиозный ландшафт является одновременно процессом эволюции этого ландшафта, идущим под влиянием множества модификаторов, и ее результатом, в рамках которого формируется идентичность и самосознание индивидов и общностей, проживающих на той или иной территории.

Учитывая специфику религиозного ландшафта, формирующегося под влиянием разнонаправленных, неэквивалентных, асинхронных и сложноорганизованных процессов (экономических, политических, культурных трансформаций, климатических флуктуаций, естественных и антропогенных изменений ландшафтов и др.), которые то препятствуют, то спо-

собствуют развитию этого вида ландшафта и отдельных его структур, развитие религиозного ландшафта можно представить как волновой процесс строения вещества [5]. При таком угле зрения, как отмечает тамбовский философ Н.А. Ежова, волновой характер образования приобретает первостепенное значение, по сравнению с другими характеристиками ландшафта. «Каждая последующая волна освоения, с одной стороны, размывает предыдущий рисунок соотношения освоенных и нетронутых участков, с другой стороны, наследует отдельные, наиболее устойчивые элементы этого рисунка ландшафта» [5]. В рамках этой модели становится возможным решение проблем самоорганизации религиозного ландшафта как естественно развивающегося, нелинейного, многовариантного культурного феномена.

Структура религиозного ландшафта определяется предметом исследования. Эту структуру можно представить через субъектно-объектные отношения, где человек активный (*homo activus*), являющийся многомерным биосоциальным существом, выступает как субъект деятельности, носитель религиозных традиций. Что касается объектов религиозного ландшафта, они более вариативны. Однако, по нашему мнению, в его структуре должен особо оговариваться и выделяться природный компонент ландшафта.

Религия относится к числу устойчивых форм организации и регулирования общественной жизни, к характеристике которых применим институциональный подход. В религиозном ландшафте можно выделить его институциональную среду (совокупность основополагающих религиозных доктрин, правовых и общественных норм, которые влияют на формирование религиозного культурного ландшафта) и институциональную структуру (определенный упорядоченный набор светских и религиозных институтов, создающих матрицу религиозного поведения, религиозной деятельности и религиозных отношений – культовых и внекультовых).

При исследовании одного религиозного компонента выделяются христианские, исламские, буддистские и др. ландшафты. В многоконфессиональном ландшафте классифицируются господствующие и подавляемые (дискриминируемые); преобладающие и периферийные, организованные и диффузные (плохо организованные) ландшафты. По местоположению – сельские и городские религиозные ландшафты. Структура всех этих ландшаф-

тов может исходить из их особого институционального каркаса.

Если темой исследования избрано культурное наследие религиозного ландшафта, то его можно сгруппировать по принципу «материальное – нематериальное». Материальные объекты наследия – это памятники, ансамбли, достопримечательные места и природные объекты, связанные с отправлением религиозных культов. Они имеют историческое, культурное, религиозно-эстетическое, экологическое и др. значение для современного сообщества, находятся в гармонии с окружающим пространством.

Нематериальные объекты религиозного культурного ландшафта – религиозные праздники, обряды и традиции, освященные религиозными нормами знания человека об окружающем мире, этические и эстетические представления людей, основанные на вере в сверхъестественное, фольклор. Нематериальные объекты религиозного ландшафта должны отвечать таким же значениям, каким отвечают материальные.

К религиозным ландшафтам применимо деление культурных ландшафтов по Конвенции ЮНЕСКО о Всемирном природном и культурном наследии на:

1) реликтовые или ископаемые религиозные культурные ландшафты, чья эволюция завершена в прошлом (представлены археологическими памятниками религиозного назначения или архаическими религиозными культурами);

2) развивающиеся религиозные ландшафты, связанные с современными национальными и мировыми религиями;

3) ассоциативные (мемориальные) религиозные ландшафты – места исчезнувших святынь, сакральные места, места, которые связаны с жизнью выдающихся подвижников веры, святых.

Наряду с термином «религиозный ландшафт» в отечественной науке в 2000-е гг. получил распространение новый термин – «иеротопия», введенный в оборот А.М. Лидовым как обозначение особого вида творческой деятельности человека по созданию сакральных пространств, а также специальное направление историко-культурологических исследований этого творчества [9]. Разграничение понятий «иеротопия» и «религиозный ландшафт» проходит по следующей линии: первое – обобщающее, нацеленное в немалой степени на исследование семиотики созданных образов; вто-

рое задано конкретными территориальными рамками, конечный результат творчества, нуждающийся в конкретно-историческом исследовании.

Подходы, предложенные в статье, не претендуют на всеохватность и фундаментальность. Можно констатировать, что перед теорией религиозного ландшафта стоит немало проблем, связанных и с понятийно-категориальным аппаратом, и с методологией исследования.

Список литературы

1. Гаврилов Е.О. Формирование религиозного ландшафта современной России: проблема дефиниций // Вестник КемГУ. 2012. № 3(51). С. 241–247.
2. Галкова О.В. Зарубежная историография культурного ландшафта // Вестн. Саратов. соц.-экон. ун-та. 2008. № 2(21). С. 122–125.
3. Главацкая Е.М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. 2008. № 4(21). С. 76–82.
4. Горина К.В., Биктимирова Ю.В. Разнообразие дореволюционного культурно-религиозного ландшафта Забайкальского края // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 4. С. 80–83.
5. Ежова Н.А. К эволюции развития культурного ландшафта // Аналитика культурологии. 2007. №8 [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-evolyutsii-razvitiya-kulturnogo-landshafta> (дата обращения: 01.04.2015).
6. Калущков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во МГУ, 2000.
7. Ливинская О.А. Понятие культурного ландшафта в отечественной географии // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 120–128.
8. Набиева У.П. География религии в Дагестане // Известия АН СССР. Сер.: География. 1994. № 6. С. 91–96.
9. Лидов А.М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Феория, 2009.
10. Норманская Ю.В. Феномен религиозного ландшафта Крыма: к постановке проблемы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2013. Т. 24(65). № 3. С. 241–247.
11. Санами Т. Образ религиозного ландшафта в СССР в 1965–1985 (на примере Соловецкого музея-заповедника) // Вестник Евразии. 2008. № 4. С. 9–26.
12. Сафронов С.Г. Географические аспекты изучения религиозной сферы: дис. ... канд. географ. наук. М., 1998.

13. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998.

14. Шишкина А.А. Культурный ландшафт: основные концепции // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2011. № 1(21). С. 151–157.

* * *

1. Gavrilo E.O. Formirovanie religioznogo landshafta sovremennoj Rossii: problema definicij // Vestnik KemGU. 2012. № 3(51). S. 241–247.

2. Galkova O.V. Zarubezhnaja istoriografija kul'turnogo landshafta // Vestn. Sarat. soc.-jekon. un-ta. 2008. № 2(21). S. 122–125.

3. Glavackaja E.M. Religioznyj landshaft Urala: fenomen, problemy rekonstrukcii, metody issledovaniya // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2008. № 4(21). S. 76–82.

4. Gorina K.V., Biktimirova Ju.V. Raznoobrazie dorevoljucionnogo kul'turno-religioznogo landshafta Zabajkal'skogo kraja // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2013. № 4. S. 80–83.

5. Ezhova N.A. K jevoljucii razvitiya kul'turnogo landshafta // Analitika kul'turologii. 2007. № 8 [Elektronnyj resurs] // KiberLeninka: nauchnaja jelektronnaja biblioteka. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-evolyutsii-razvitiya-kulturnogo-landshafta> (data obrashhenija: 01.04.2015).

6. Kaluckov V.N. Osnovy jetnokul'turnogo landshaftovedeniya. M.: Izd-vo MGU, 2000.

7. Livinskaja O.A. Ponjatie kul'turnogo landshafta v otechestvennoj geografii // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2012. № 14. S. 120–128.

8. Nabieva U.P. Geografija religii v Dagestane // Izvestija AN SSSR. Ser.: Geografija. 1994. № 6. S. 91–96.

9. Lidov A.M. Ierotopija. Prostranstvennye ikony i obrazy-paradigmy v vizantijskoj kul'ture. M.: Feorija, 2009.

10. Normanskaja Ju.V. Fenomen religioznogo landshafta Kryma: k postanovke problemy // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Sociologija. 2013. T. 24(65). № 3. S. 241–247.

11. Sanami T. Obraz religioznogo landshafta v SSSR v 1965–1985 (na primere Soloveckogo muzeja-zapovednika) // Vestnik Evroazii. 2008. № 4. S. 9–26.

12. Safronov S.G. Geograficheskie aspekty izucheniya religioznoj sfery: dis. ... kand. geograf. nauk. M., 1998.

13. Turvskij R.F. Kul'turnye landshafty Rossii. M.: Institut Nasledija, 1998.

14. Shishkina A.A. Kul'turnyj landshaft: osnovnye koncepcii // Vestn. Nizhegor. un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Social'nye nauki. 2011. № 1(21). S. 151–157.

Theoretical and methodological issues of religious landscape study

The article deals with the notion “religious landscape” in the domestic science. The authors suggest new theoretical and methodological approaches to research based on the wave theory of substance structure and the institutional approach. It is stated that this complex geo-cultural and historical phenomenon is only beginning to be researched.

Key words: hierotopy, religious landscape, cultural landscape, classification of religious landscape, structure of religious landscape.

(Статья поступила в редакцию 19.04.2017)

М.М. АМИРХАНОВА, Н.Т. МУСЛИМОВА
(Махачкала)

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ ДАГЕСТАНА В 1920-х гг.

На основе новых архивных источников рассматривается становление пенсионного дела, важной составляющей социальной политики государства в Республике в первое десятилетие советской власти. В данном контексте характеризуются разные формы социальной помощи – пенсии, пособия, пайки семьям красноармейцев и т.д. Анализируются как успехи, так и трудности в этом деле.

Ключевые слова: пенсионная система, Дагестан, народный комиссариат социального обеспечения, пенсионеры, пенсии, пособия, паек, социальная помощь, кресткомы, общественные работы.

Социальная политика относится к приоритетным направлениям деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и занимает одно из определяющих мест в жизни страны. Об этом свидетельствуют национальные проекты, принятые и реализуемые в современной Российской Федерации, направленные на решение ключевого вопроса государственной политики – повышение качества жизни граждан страны. Из четырех приоритетных национальных проектов три являются основными составляющими социаль-